

Расшифровка интервью

Дата: 16.03.2021

00:00:01

Что было взято при раскулачивании. Это там интересный один момент. Амбар дороже дома. А тулуп старый пригодится, в колхоз всё взяли и... Колхоз имени Ильича был. Так. Так, так, так. Вот это вот... Я ищу отца с матерью, а это по пути. Дядя Никифор. Инвалидом войны пришёл. Этот воевал на двух — Отечественная и в Японии. Этот погиб, Николай Иванович. Пришел — танкист — пришел инвалидом. Старший брат Василий, я курсантом, сестра Надя, в Тушино работала на авиазаводе. Младшая сестра телятницей была. Телятницей работала в колхозе. Я тоже в колхозе. В колхозе. И...

00:03:22

Петр Борисович, а где здесь вы? Еще раз покажите, где вы здесь?

Это вот я...

00:03:28

Это вы?

...приехал в отпуск. После хороших... Я служил в [нрзб] военном округе. Артиллерийский полк хорошо выполнил задачу, и мне дали 10 суток отпуска, домой, это считалось лучшее. Ну, после учений за хорошую работу кому отпуск, кому благодарность. Мне дали 10 суток отпуска. Я приехал и с сестренкой сфотографировался тогда. Это было в 1949-м, 1950-м. Перед училищем. Так, это вот брат.

00:04:30

А отца с матерью не будем пытаться найти, да? Не найти никак фотографии?

Я постараюсь. Есть у меня где-то. Так, где-то есть. Надо найти отца с матерью, отца с матерью надо найти. Так, это что? Это мы видели. Это мы видели. В уменьшенном виде, вот отец и мать в уменьшенном виде. Я хотел найти крупным планом.

00:05:19

Но это та же фотография, да?

Да, та же, та же.

00:05:23

Точно такая же, только большая.

Вот это деды, а это отец и мать. Только та большая была. А это вот отец и мать. Борис Митрофанович, Лукерия Филипповна Иванцова. Вот в Свердловской области. Так, отец в Бондюге похоронен, мать в Чусовой. Чусовой. Это отец в 1933-м, мать в 1938-м. Она меня отправила с дедушкой с Иоаном Андриановичем на родину. Отправила. Сказала... Это была Пасха, пасхальная неделя. Сказала: «Скоро приеду». Благословила меня, отправила — и 23 августа умерла в том же году. Это мы уже с братом вот жили в Миллерово. В детдом я больше не захотел. Построили, город Краснокамск под Пермью, бумкомбинат. Мама работала на бумкомбинате уборщицей в конторе. Тетя моя [нрзб] работала сортировщицей, дядя Ваня — слесарем. Я переписывался с ними, прислали снимок. Так. День победы, 9 мая в Борозде. Девочки-трактористки пахали днем, мальчики — ночью. Мальчики ночью, потому что... Такая напряженка была, что ни выходных, ни праздников. Только зимой, зимой, когда замерзала почва, трактора отгоняли в МТС. Это 1944-1945-й. Зимой отдыхали, готовили трактористов в ускоренном порядке. В 1945 году победу встречал в Борозде. 1945 год... 1945 год. Председатель приехал: «Остановите, мы будем митинг проводить». Митинг провели в Борозде, заглушили трактора. Он сказал, что война кончилась, мир: «Теперь придут мужья и старшие, вам будет смена. А пока заводите, бригадир Шкондин Иван Андреевич, заводите, поехали, будем пахать». Пахали весь день, перевыполнили норму и получили гарантийный... Оплата труда трактористам была по три килограмма зерна на трудодень. Три килограмма зерна на трудодень. Это было очень хорошо, потому что другие колхозники этого не могли получать, потому что им что останется. Сперва, в первую очередь государство, налог за трактора, за комбайны. Во вторую очередь, семена. Семена обязательно. А то, что останется, — на трудодни

колхозникам, если останется. Вот такая была обстановка в 1948-м... В 1948-м... Еще... Ну да, в октябре. В октябре меня призвали в армию, и получилось как... Попал — сперва полковая школа, полковую школу хорошо закончил. Начальник штаба, майор, направил меня в училище. Училище закончил хорошо, выбрал Ленинградский военный округ, чтобы поступить в медицинскую академию. Хотел в медицинскую академию, но не успел, в 1960 году сокращение, и нас уволили. Вот на память снимок, снимок на память. И с тех пор... Да, квартиру получил двухкомнатную, потом прибавили. Работал в совпрофе доверенным врачом. Это вот путевочные, санаторные дела и пионерские лагеря. Оздоровительная работа, оздоровительная работа, оплата больничных листов и организация медсанчастей, здравпунктов на предприятиях. Колхозников... После 1973 года всех колхозников по труду приравнивали к рабочим и служащим, дали... трудовые книжки завели, паспорта и приняли профсоюз. И профсоюз имел два бюджета: соцстраховский бюджет, отчисления, и профсоюзный бюджет, за счет взносов. И оба бюджета имели статью расходов на оздоровительные мероприятия. Благодаря тому, что их приравнивали к рабочим, трудовое законодательство выровняли и стали также оплачивать больничные листы и пенсии начислять. К нам приехал из Москвы инструктор ВЦСПС. Сказала: «У кого есть возможность на территории, развивайте санаторий и профилактории». И мы быстро, наш председатель, Малютин тогда был, взял за эту идею, и на курорте Старая Русса построили 10-й корпус. 10-й корпус построили за счет колхозов, а потом, когда его ввели в строй, эти расходы возвратили, и наш профсоюз дополнительно к той норме, которая существовала, еще 1200 путевок на курорт Старую Руссу каждый год, каждый год 1200 путевок или бесплатно, или за 30 процентов, 30 процентов это от 120 примерно 38-40 рублей, примерно вот так. Член профсоюза вносил 38 рублей и 21 день лечился на курорте Старая Русса. А часть этих путевок бесплатно давали. Вот такая у нас была работа. Короче говоря, колхозники в то время были на подъеме и работали, прямо скажем, успешно. А потом что-то, то ли перед перестройкой, то ли в период перестройки, кто-то сказал, что деревня не перспективная, люди стали закрывать магазины, медпункты, почту, школы, люди разбежались все — кто в город, кто на железную дорогу, опустела деревня, опустела, и те поля, которые мелиорировали и засеивались, теперь опять лес растет и растет борщевик Соновского, который является злейшим врагом полей. Но недостатки — это не наша проблема. Наша проблема...

00:16:11

Петр Борисович, а вообще колхозы-то — это хорошо или плохо?

Колхозы — это очень плохо. Это оценка такая моя, потому что я шесть лет до армии работал в колхозе и уже будучи пенсионером снова пошел работать в колхоз, потому что у меня была куплена в деревне избушка, и я завел корову, и ходил, чтобы сено заработать для коровы, я ходил еще пять лет зарабатывал сено, и я видел и начало, рассвет колхозного движения, и конец. А конец такой: молодежь ушла, потому что плохо платили, а старики естественным путем ушли. И вот приходят на работу старики, кого куда там. Ну, старики картошку... молодежь убирает картошку, допустим, а те перебирают на хранение. Тот урожай, даже который вырастал, не могли сохранить. То на элеваторе попортится, своих хранилищ нет, что-то картошка в погребах сгниет. Короче говоря, бесхозяйственность и отсутствие дорог, отсутствие хранилищ и такое отношение: это не мое, это не мое, ладно. И вот в результате колхозы обнищали, люди разбежались и на работу в колхоз стали посылать из города. Может быть, вас это не коснулось. На уборку урожая обязательно, студентов тоже на картошку, на уборку урожая, на заготовку кормов. Короче, из города везут в деревню, чтобы они там убрали, пропололи, сено. Короче говоря, колхозы стали сплошь убыточными, почти все убыточные. Их закрыли.

00:19:01

А вы родились в деревне или в городе?

Областная организация профсоюзов, областная, в городе, вот тут рядом на Яковлевской, квартира у меня здесь была. И до того обнищали, что в магазинах ничего не стало. Макароны, соль, сахар, растительное масло, то есть минимум. А для того чтобы купить масло, хорошую колбасу, ехали в Ленинград, и там в Ленинграде всё было, а в Новгороде ничего не было. Даже такая шутка была: туристы-мешочники поедут в Ригу, или в Ленинград, или в Москву, оттуда везут рюкзаки, колбасу и масло. Вот такая ситуация сложилась. Не знаю, как в такой большой богатой стране — и до такого вот состояния довели рабочих и колхозников.

00:20:24

А вы родились в деревне или в городе?

Я родился на хуторе, хутор Иванцов, в деревне, в зажиточной хлеборобной семье, которая попала под раскулачивание и загремела на Урал. Раскулачивание — я вам одну дам [фотографию]. Сейчас я вам одну дам. Можно эту отснять.

00:20:59

Не снимайте, не снимайте. Не снимайте, не отрывайте. Мы потом это снимем

Нет, у меня есть их несколько. Я хочу, я хочу одну деталь. Одну деталь хочу. Раскулачивание. Нет. Так, здесь нет. А, это фотография юбилейная. Это юбилейная, вручение наград и поздравления. Раскулачивание, раскулачивание. Илья Глазунов. Когда началась реабилитация, я собрал часть материала и отправил художнику Глазунову. И получилась вот эта картина, которая называется... Ну вот этот вот.

00:22:58

Так. И он вас там нарисовал?

Нарисовал. Вот здесь вот в углу женщина и дети. Нас было при раскулачивании четверо: я, старший брат Василий, Надя и Рая. И он вот тут нас нарисовал. А картина вот эта... Эта картина... У меня же где-то много было. Я сейчас попробую вам найти.

00:23:39

Петр Борисович, не надо искать. Я найду эту картину в интернете.

Она есть в интернете. Художник Глазунов, 2010 год.

00:23:55

Вы мне расскажите только такую вещь. Вот эта деревня называлась Иванцово.

Хутор. Хутор Иванцово.

00:24:03

И вы Иванцов?

И я Иванцов. Там три семьи были, и все Иванцовы. Вот Митрофан Иванович... Иван Митрофанович, старший сын, которого уже отделили из общего Митрофановского... У Митрофана, у деда, было три сына и три дочери. Дочерей за богатых замуж, а сыновьям отдельный дом и отдельный двор. Так вот Иван Митрофанович, который попал тоже под раскулачивание, попал в Магадан, в [нрзб]. Тетя Лена в Тобольск, Тюменская область. Тетя Лена, Алена Митрофановна. Дядя Ваня в Свердловск, Березняки. Дед в Архангельске. В общем...

00:25:07

Подождите. Вы мне еще расскажите про вот вашу семью. То есть вот этот хутор Иванцово, он был только из ваших родственников? Только эти. Или еще были дома?

Нет. Они были между собой родственники. Но наш Борис, мой отец, самый младший был. И он... Не самый, еще Никифор был. Те младшие... Бабушка, когда деда арестовали и отправили в Архангельск, все возле бабушки группировались. И поэтому дядя Ваня попал в один, в Березняки, Пермская область, а мы, вот наша семья, на Кедровку, тоже Свердловская область. И оставалась одна семья, которая... До войны жили на месте, в колхозе, а потом часть в колхоз вступила, разъехались, кого выслали — и от хутора ничего не осталось. После я уже, когда приезжал к родственникам туда, там уже ничего не осталось, потому что колхоз организовал молочно-товарную ферму для бруцеллезного скота. А потом вышло постановление о ликвидации бруцеллеза среди животноводства. И этот... Всё подворье разрушили. Короче, колхоз стали укрупнять. Народу мало, земли много, чтобы не пустовало. Укрупнять, укрупнять. И я уже ушел в 1948 году в армию. И колхоз Ильича называли... Колхоз... Колегина, что ли? В общем, доукрупнялись, доулучшались, что до самой перестройки хотели как лучше, а получалось...

00:27:58

А в каком году раскулачили семью?

Чего?

00:28:01

В каком году раскулачили семью?

В 1930-м. Летом, в 1930 году.

00:28:09

А вы... Вы когда родились? Когда у вас день рождения?

28 января 1926 года я родился. А в 1930-м раскулачили. Мне было пять лет, и вот в ссылку повезли, повезли и повезли. Вот это...

00:28:34

А как это было? Как... К вам пришли или?.. Вы помните что-то? Или ничего не помните?

Я помню, что стадо овец, которых я должен был пасти, угоняли со двора, а я бежал и кричал: «Куда ты наших овечек погнал?» Овечек стадо погнали в колхоз, а нам дали срок два дня на сбор. Начали ловить, рубить куриц, готовить лепешки, хлеб печь, напекли хлеба, наварили этих кур. Да, были у нас еще пчелы, 50 ульев. Два ведра меду взяли в дорогу, и вот на этой арбе повезли, и повезли нас на Урал, потому что... никаких... Туда приехали, зима, продуктов нет. Это вот арба, дети, бабушка шалью большой сделала такое укрытие от дождя и от солнца, и до самого Свердловска, где поездом, когда в товарняк погрузили, поездом, а где на баржах, а начиналось — на быках повезли.

00:30:30

На ваших быках или чужих?

Нет, специально выделялись подводы и возницы, которые везли на сборный пункт. На сборном пункте еще раз проверяли, лишнее выбрасывали, ну кто-то зеркало вез, кто-то там сундук громоздкий, кто-то этажерки какие-то, всё выбрасывали, а в вагон только мешки с продовольствием и белье.

00:31:08

А вы помните, как вы одеты были? Во что вас одели? Что вы несли в руках?

В руках мы ничего не несли, мы везли в мешках. В мешках было белишко, одежда, что-то получше. И вот когда уже без отца, мама переезжала в Краснокамск, в Пермь, в Пермь нас обворовали. Все вещи, которые она сдала в камеру хранения, камера хранения эта была подставная, она оттуда ничего не получила, никаких вещей. Приехала на другой день забрать вещи — нет этой камеры хранения, и мы остались как были, в чем были, в том и остались. Такая вот беда заставила маму обратиться к коменданту за помощью. Вместо помощи они взяли меня и сестру Надю в детдом. И вот так я очутился в детдоме, сперва в Нижней Курье, а потом в Нижнем Тагиле. Вот такая ситуация. Детдом, я вам уже рассказывал, плохой... Плохо было то, что и нас не пускали к родителям, к маме я всё просился, и к нам туда никто не приезжал. Надя попала, старшая сестра, в детдом, Юг, город Юг, Пермская область, а я в Нижний Тагил.

00:33:05

Петр Борисович, а вот вы какую-то свою жизнь до раскулачивания помните? Как вы?.. Что вы делали?

Помню, помню.

00:33:15

А как вы жили?

Мы жили очень хорошо, почему, потому что, кроме хлеборобства, у нас был хороший сад плодоносящий и 50 ульев пчел. Мед продавали в Миллерово, в городе, и яблоки продавали. Дом одноэтажный, на чердаке дома были закрома: семечки, сухофрукты и две бочки с медом. Одна бочка — майский мед, а вторая бочка — подсолнечный. Когда цветет подсолнечник, пчелы несут много меда, качают, качали два раза и разный мед, майский и подсолнечниковый. Когда мы там играли в прятки на чердаке, мы туда пальчик — и в рот мед, мед пробовали, потому что всего было в достатке, молока много, сепарировали свое молоко, масло, творог, и семье хватало, и телятам хватало. Когда коровы рано отелятся, чтобы теленок не замерз, его приносили в хату, называлась у нас там хата. В углу на соломе телята, и мы рядом. Помню, две собаки было, две собаки, одна кавказская овчарка, вторая злая, на цепи, всё время на цепи. В саду было много яблок, груш.

00:35:19

То есть, смотрите, по животным: коровы были?

Коровы, лошадей, тут даже в одной справке перечислено, сколько коров, сколько лошадей. Если я ее быстро открою, вот в какой-то справке перечислено.

00:35:39

А вот она. Вот она у меня лежит.

Нет, это вещи, это вещи, а еще сколько скота было. Три коровы, три лошади, там всё, такая справка. Сейчас я ее, может быть, открою. Нет, это детдом. Это детдом.

00:36:10

А сколько детей в семье было? Пять?

Четверо.

00:36:15

И вы младший?

Нет, Рая младшая, сестренка. А это уже всё для фронта, всё для фронта. Так, сейчас.

00:36:32

Ну, вы мне словами скажите, сколько помните по животным? Вот мы про корову поняли.

Конюшня большая, там три коровы, три лошади, молодняк и овцы, свиньи. Это всё в конюшне. Для хлеба амбар кирпичный отдельный под черепицей. Семенное зерно и фураж, для муки. Кухня летняя, кухня летняя и погреб, соленья, варенья. И что еще? Колодец один был на три... Колодец один на три двора. В центре хутора колодец, вот три дома. Речка, маленькая речка, называлась Полная, речка Полная. Дедушка ловил рыбу, следил за пчелами. Это про что? Архивное.

00:38:14

Петр Борисович, а батраки были у вас?

Кто?

00:38:18

Работники. Батраки были? Ну такое большое хозяйство.

Где-то, где-то сезонные, сезонные были работники. Были.

00:38:31

А русские или кого-то, кто-то другой по национальности приходил?

Только наши, только наши. Когда качали мед, нужна была помощь рамки носить в сад и на пасеку, и когда уборка урожая, яблоки убирают, надо часть на сушку, а часть на продажу. В общем, сезонные были, а так, чтобы постоянно, нет.

00:39:08

А вот у вас, у детей, какая работа была? Что вы должны были делать?

Я должен был пасти овец, не пускать в сад, пусть там пасутся, и я за ними смотрел. Сестра Надя гусей пасла, чтобы тоже в сад не ходили и огород не вредили. Брат старший уже с отцом в поле ездил. Все при деле были, все.

00:39:39

А отец строгий был? Вообще семья строго вас воспитывала?

Дед нас воспитывал всех. И отца, и нас воспитывал. Если кто-то не слушался, или ремнем, или в угол. В общем, воспитывали правильно. Все были при деле, и девчонки, и мальчишки. А потом, вот когда не стало родителей, сами себе уже стали как-то промышлять. Вот брат работал без отца, без матери, ученик слесаря, 16 рублей в месяц на двоих. Я с ним жил, 16 рублей в месяц получал.

00:40:45

Когда пришли раскулачивать, люди, которые к вам пришли, это знакомые были? Вы их раньше видели, этих людей?

Они с нашей деревни, только не с хутора, а с другой деревни, и немножко знакомы были. И когда... Я с Васей, с братом, жил в сарае до самой зимы. Нас знакомая... Кравцов Тихон Илларионович, который под Будапештом погиб, у них детей не было, они взяли нас в свою хату, у них была корова, и они нам помогли на первых порах. Молоко и жмых у них был, картошка была, мы уже не голодали, а нормально под их контролем, тетя его, Кравцова тетя Акулина Алексеевна когда-то помогала вот дедушке в саду работать, ну как это называется... во время медогона, во время уборки в саду, вот она помогала, и она нам предоставила вот это жилье, иначе б мы замерзли в этом сарае. До Нового года в сарае жили.

00:42:36

То есть как это получилось? Вот вы живете, вдруг приходят люди, и они у вас там... Как это было?

Ну как, договариваются, наверное, помогают их...

00:42:55

Нет, вот те, кто вас пришел раскулачивать, их сколько было, три человека, четыре человека, пять человек, больше?

Человек я не видел, которые приходили раскулачивать, а правление «тройка», там, при колхозе, создавалась «тройка», которая всё решала: вот этого раскулачить. Вот тут Шолохов хорошо, «Поднятая целина», описал. «Тройка» решала: Иванцова выслать в 24 часа или там за два дня — и на Урал. «Вам два дня сроку, соберите вещи, продукты — и на арбу, и поехали».

00:43:51

Подождите, вот у вас забрали, всю живность забрали, вот тут список, что забрали, но вас оставили на хуторе, вы остались жить на хуторе?

На хуторе мы никак не могли остаться, потому что всё, и строения, и скот, всё пошло в колхоз, а мы очутились в Свердловской области на лесоповале.

00:44:18

Так, а вот кто вас укрывал два месяца? Где вы в сарае жили?

А это уже после, когда отца с матерью не стало, отца с матерью не стало, мы жили в сарае, это знакомые, знакомые люди... Ну как назвать... односельчане или?... Дальние, дальние, дальние знакомые, чужие люди.

00:44:46

Поняла. А вот когда всё забрали, у вас было два дня на сборы, так? Отец оставался с вами?

Отец... Он оставался с нами, пока везли на Урал, а на Урале он руководил бригадой плотников. Бригада плотников рубила бараки, строили домики отдельные и бараки. Он плотницкий бригадир. Случился лесной пожар, вся бригада пошла тушить пожар в Кедровке. Несколько суток там в лесу жили, простудился, с пневмонией попал в больницу и умер. Это 1933 год, летом. Вот жили мы в бараках, бараки холодные, никаких удобств. Ну, никакой медицины. Норма хлеба установлена для рабочего там 600 грамм, для иждивенца 300, в общем, такие нормы мизерные. И вот они, если норму выполняли на работе, получали эту вот норму хлеба. А иждивенцам еще меньше. И вот почему просили помочь или... помощи... и неоткуда было ждать помощи. Поэтому мы очутились в детдоме. Я и сестра в детдоме, а маленькая Рая осталась с мамой.

00:47:07

А вот когда вы выезжаете с хутора Иванцово, и дедушка с вами, и вообще все вместе вы поехали?

Дедушку арестовали в марте 1930-го и в Архангельскую область, поселок Обозерское. Дедушки уже не было, а отец еще оставался. Отец оставался с нами, и туда приехали вместе. Помню, по дороге умер один старик, сват Козлов Епифан. Отец могилу вырыл и крест поставил на берегу какой-то речки. Наверное, Кама, потому что нас одно время везли на баржах, и он на барже и умер. Это по дороге туда. А туда приехали, бабушка сперва умерла, потом отец, а... Бабушка

раньше, наверное, в 1931-м, отец в 1933-м, а мать в 1938-м году. Там, где они похоронены, я не был. Свидетельства о смерти, поскольку я был в детдоме, и у меня не было, и вообще не было. По суду, по суду установили и выдали свидетельство о смерти. Это уже после, когда вот началась реабилитация жертв репрессий, и я доказывал, что я пострадал. Я пострадал. «А докажи». У меня ничего, никаких документов. Я стал писать в архив, и мне кое-что прислали. А свидетельство о смерти отца и матери по суду оформили.

00:49:22

А как дедушку арестовывали, вы помните?

Я этого не помню, но в документе сказано, за антисоветскую пропаганду деда арестовали, а у него всего три класса образования. Три класса образования — антисоветская пропаганда. Не хотел вступать в колхоз, вот и всё. И загремел на восемь лет в Архангельский лесоповал. А нас позже, а деда в марте, а мы летом. Не знаю, какой месяц, но лето.

00:50:05

А дед вернулся с Архангельска?

Дед вернулся из Архангельска, вот его фотография с братом. А отец, мать не вернулись. Потому что отец и мать свою пайку часто отдавали детям голодным, а сами пухлые шли на работу и сгинули с голода. Ну вот такая обстановка была.

00:50:42

А вот еще, когда вначале на арбу вас посадили с этими быками, на этих быках поехали, и где был сборный пункт, где всех собирали?

Первая мне запомнилась Вешенская, станица Вешенская, вот где... Сейчас она называется Шолоховская, соседний район. Повезли в эту Вешенскую. Быки, жаркий день, быки к реке побежали на водопой, чтобы... Возница, видимо, задремала, а бабушка ее растолкала. Возница спрыгнула с телеги, под колесо попала, руку ей сломало, бабушка помощь оказывала, платок со своей головы белый сняла, руку перевязала, довели нас на сборный пункт. На сборном пункте там долго, долго ждали. Отец вырыл какую-то ямку, брезентом накрыл, дети туда, в ямку, в землянке в этой ждали, пока снова нас в Миллерово, и в товарные вагоны погрузили, и повезли в Свердловск.

00:52:16

А как долго вы ехали в этом вагоне?

В вагоне недолго, вот долго на барже, на барже долго ехали. Вот этот старик Козлов умер. Не помню, как по календарю, потому что приехали мы поздно осенью. Кедровка, Кедровка поселок. Ну, взрослые на работу, детского сада нет. Бабушка умирала на печи, никого не было, я один дома был, дети только дома. А потом тетя Маруся, вот ее дочь Мария Митрофановна, жила рядом, там же, поскольку она тоже была выслана, но жила рядом, как-то близко. Вот тетя Маруся приходила и нас, когда все на работе, что-то там нам готовила. Трудно, очень трудно. Магазинов нет, ничего не купишь, огородов нет, только вот паек хлеба, и всё.

00:54:11

Вот на этом сборном пункте в Вешенках народу было много?

Было много, народу было много, долго ждали, что мне запомнилось — это вот 1 сентября в школу дети пошли, старшие в школу, Надя, старшая сестра, Василий, брат. И я с ними пошел, а учитель посмотрел, им... Приняли в школу вроде с 1 сентября. «А ты, — говорит, — иди домой, подрастешь, потом придешь». И вот тут мне запомнился момент, что ты еще мал в школу, а им уже пора, а, значит, сентябрь был. Деда арестовали в марте, а мы летом вот это на высылку, и в Вешенской вот в школу ребятам нужно было старшим идти, и я с ними пошел. Вот такой момент мне запомнился.

00:55:22

А в Вешенках среди... на этом сборном пункте все люди знакомые были?

Разные.

00:55:29

Деревенские или новые?

Разные. Разные. С разных хуторов туда свозили, чтобы много, чтобы в эшелон грузить, надо, чтобы много было. И вот перед погрузкой в эшелон, в товарняк, уже было много. Лишние вещи громоздкие оставляли, а вещи и продукты брали с собой. Это вот, видимо, в Миллерово, потому что ближе там нет железной дороги. И нас туда и обратно везли. На сборный пункт, потом обратно в Миллерово, который на железной дороге, где нас грузили.

00:56:23

С солдатами грузили?

Охрана была там. На каждом вагоне стояла охрана, и когда поехали, была такая, запомнилась команда: «Закрывайте окна, двери, будем Волгу переезжать». А почему закрывать окна, двери? Ну, будем Волгу переезжать. Запомнилось. Солдат у двери, а все остальные на нарах и под нарами, в общем, битком вагон, битком набит. В углу одеялом завешено туалетное ведро, и там туалет, в том же вагоне.

00:57:17

А воду как давали пить?

Воду набирали, набирали, что могли, но... Не запомнилось мне. Видимо, пока в вагоне ехали, наверное, без воды, а потом, вот когда на барже ехали, тут уже и остановки, и вода, и какой-то там суп, суп, пшено, у кого пшено, у кого лапша, что-то было, варили, это вот на баржах.

00:57:58

А вы когда в товарняке ехали, дети все на полку забрались наверх или внизу были, где были вы сами?

У нас было как-то в углу, уголок для нашей семьи, что я еще мог в окно смотреть немножко, в окно смотреть, и вот когда Волгу переезжали, мне запомнилась эта команда: «Закрывайте окна, двери, будем Волгу переезжать». Я в окно так посмотрел: широкая река, широкая река, ну из окна мало что увидишь, но а дверь закрыта была, а через окно так чуть немножко посмотрел.

00:58:49

А мама плакала, когда везли или там раскулачивали, или вообще мама никак?..

Мама, когда ехали, была с нами, и когда вот в Краснокамск переезжали, была с нами, до тех пор, пока в детдом не отдала меня и сестру. В одном детдоме нас пускали домой на побывку, а в другом нет. И вот началось это «хочу к маме, хочу к маме», и начал убежать, они поняли, что я убегающий, отпустили меня, отвезли к матери, вот это там справка есть. Всё, работали, работали. И брат, и братья вот на заводе, служили хорошо, честно, врагами народа назвали нас ни за что, за то, что работали много на себя и жили довольно хорошо, пока вот эта сплошная коллективизация не оборвала нам... ну как сказать... испортила всю жизнь, испортили. Потому что поначалу нас обзывали «враги народа», «надо ликвидировать как кулачество, как класс», а потом нигде не поступить учиться. Я военное училище, вот меня майор уговорил, да я и сам с удовольствием согласился. Я сказал, [что я] детдомовский. Нужно было проходить мандатную комиссию, экзамены сдал вступительные, мандатная комиссия, не скажешь, что я враг народа, кулацкий сын. Я говорю: «Детдомовский». «А, ну хорошо, детдомовский, хорошо». И поступил в училище, а так бы ни за что. Мандатная комиссия.

01:01:45

То есть срок за антисоветскую агитацию был только у деда? Дед получил реальный срок, восемь лет?

Восемь лет. А мы на высылку, на высылку. Так вот, деды — и мой дед через восемь лет освобожден, и Костин Семен Андрианович, отчим матери, тоже освобожден, — и вот эти деды стали ехать на родину, и меня Костин Семен Андрианович привез на родину с Урала. А мама обещала приехать к началу учебного года, и мы так ждали, надеялись: приедет — и будет всё хорошо. А получилось так, что в августе она умерла, и я так кричал, я так плакал, я так плакал, что соседние дети услышали мой рев, пошли, матери сказали: там, говорят, кто-то плачет. А я услышал, что меня обнаружили, перестал, в солому зарылся и тихо сидел, понимал уже, что такое без отца, без матери. И вот четвертый класс я ходил уже без отца, без матери. Никаких учебников у меня не было. Учился так: что на уроке услышал, запомнил, то и есть, учебников не было. А когда взяла тетя вот эта к себе, брат ушел в армию, пятый, шестой, седьмой класс на отлично, условия другие были уже. Вот такая канитель, раскулачивание, потом война, потом...

- 01:04:09 **Дайте, как я поняла, скажу, а вы мне скажите, где я ошиблась. Из Иванцово вас перевезли вначале в Вешенки, там погрузили на товарняки.**
Не там, а в Миллерово, в Миллерово.
- 01:04:27 **Из Вешенок...**
Опять же в Миллерово.
- 01:04:30 **В Миллерово. В Миллерово вас загружают в эти...**
В вагоны.
- 01:04:35 **...в теплушки.**
А из Миллерово до Свердловска. Нет, не до Свердловска, до куда-то... до куда-то довели, а потом еще на баржах ехали, а на барже по реке до Кедровки.
- 01:04:56 **И Кедровка — это был тот пункт, где вы остались.**
Да.
- 01:05:00 **Так?**
Да.
- 01:05:01 **И вот в эту Кедровку приехала бабушка...**
И мать, и отец с детьми, вся семья в сборе.
- 01:05:10 **Четверо детей...**
Бабушка и мать... Мать, отец, бабушка и четверо детей.
- 01:05:19 **А на барже когда плыли, кто-то из хуторских...**
Умер. Это, это... сват, его сватом называли, Козлов. Это дядиной жены отец. Сват, сват.
- 01:05:36 **И как отец его хоронил? Или он с вами плыл какое-то время?**
Этот старик остался в барже охранять вещи и там и умер. И отец его похоронил и поставил огромный крест на берегу реки. Потому что он, во-первых, сват, родственник какой-то, хоть дальний, а во-вторых, отец плотником [был], владел топором, и мог срубить ему, сколотить гроб, и схоронил. А нас повезли дальше. А нас повезли... Козлова схоронили, нас повезли дальше.
- 01:06:29 **И вот в этих Черновцах, в Черновцы вы приехали?**
Не понял.

01:06:35

Вот... Последний пункт, куда вас привезли потом, как называется он?

Кедровка.

01:06:43

Кедровка.

Кедровка. Туда приехала тетя Маруся, моего крестного, жена крестного, Жильченко, который почту возил, с которым мы хотели убежать оттуда. Он служил на флоте, крепкий мужик был, ему поручили возить почту, дали ему лодку, и он на этой лодке раз в неделю привозил почту или реже там как, что он мог на лодке веслами, из Бондюга возить почту. А тетя Маруся — это средняя дочь деда, Мария Митрофановна, одна в Тобольске, другая с нами, тетя Маруся, и дядя Никифор с нами. Вот Василий Борисович и Никифор, который... Малая земля, воевал на Малой земле. Но это потом уже, потом, потому что Василий Борисович и Никифор Митрофанович, они одного года, 1918 года. Они убежали оттуда... Убежали под видом рабочих. Взяли лопаты и пошли уходить. Их остановили: «Вы куда?» «А мы столбы ставим, линию связи». Ну там, телефонные столбы ставим, мы, говорит, роём ямы для столбов. «Ну, идите дальше». И они таким образом ушли с этой Кедровки под видом рабочих.

01:08:49

А Кедровка охранялась? Это лагерь был?

Комендант, и лагерь, и охранял. Вот этот комендант и обнаружил, когда мы на лодке уплывали, и стрелял в нас, стрелял в нас, бежал по берегу: «Вернитесь!» Но его эти заряды или не долетали... А крестный кричал: «Перестань, сволочь, здесь дети!» И действительно, его двое детей и нас трое — пятеро детей в лодке были, пятеро детей в лодке, а он стреляет в нас, но обошлось без жертв. Но потом позвонил куда-то или съездил на коне, нас всё-таки остановили и вернули.

01:09:49

А в этой...

Комендант Можай, фамилия, так его называли, Можай, то ли прозвище, то ли фамилия.

01:09:59

Он был главным в этом лагере?

Он комендант, он был, как говорят, надзиратель или... охрана, что ли? Охрана, конечно, потому что проверял, у него ружье было, и он обнаружил наш побег.

01:10:30

А Кедровка большая, большой был лагерь? Или маленький?

Нет, небольшой, небольшой, там сколько-то бараков было и дома, которые уже построили сами переселенцы, там работали, строили дома для других переселенцев, потому что наша улица называлась Донская, а другая улица Кубанская. И вот кто с Кубани, селились на улице Кубанской, а Дон — на Донской улице. Вот мы жили на Донской улице.

01:11:10

И в этом бараке была только ваша семья или еще были семьи?

Тетя Маруся жила рядом где-то, и больше я никого не знаю. Вот их фамилия Жильченковы, а мы Иванцовы. Бабушка — это Костина. Как же... А, мы к Костиным присоединились, когда мама переезжала с Кедровки в Краснокамск, на Бумстрой, вот мы соединились с Костиными. Костин — это отчим моей матери, отчим моей матери, Костин Семен Андрианович, вот тут мы соединились в Краснокамске. Город Краснокамск стал городом в 1936 году, и на этом бумкомбинате работала Костина Марфа Семеновна, Иван Семенович Костин, танкистом вот который служил, и мама моя. Мама на бумфабрике убирала в конторе, уборщица, тетя Махора сортировщицей, а дядя Ваня слесарь, слесарь бумагоделочных машин.

01:12:50

В Кедровке была школа?

Школа была, но я в школу не ходил, потому что то ли мал был... Надя ходила, Василий ходил,

пока не убежал, а я в начальные классы пошел в детдоме в Нижней Курье, начальные классы, первый, второй.

01:13:26

Вот вы свою жизнь в Кедровке помните, что делали, с кем дружили, как вообще это было? Только пока в Кедровке. Сможете рассказать? Вот что с вами там было?

Со мной... Сестры были, дружили мы только вот с этими, Жильченковы, тетя Маруся, семья. У них тоже двое детей, два мальчика было. Вот тетины Марусины дети, два мальчика, и мы, четверо вот вместе. Жили рядом и играли. В школу я там не ходил, в школу я пошел в первый класс в детдоме, Нижняя Курья. Уже когда мама отдала в детдом, я пошел в первые классы.

01:14:33

А когда вы решили на лодке бежать? Это кто придумал, бежать?

Это придумал Жильченко, вот этот почтальон, который имел в распоряжении лодку. Вот он говорит: «Давай в Бондюг заедем, — отец там лежал в больнице, — Бориса заберем и уедем». А получилось, что нас вернули в Бондюге, мы отца увидели в больнице, где он лежал. И он сказал: «Лушка, отсюда, наверное, я не выйду». Он лежал в углу, возле печки, в тяжелом состоянии. Мама, когда прощалась в это время, два рушника вышитых домашних подала, санитарке дала, говорит: «Когда Борис, если умрет, то накроешь ему лицо». И нас вернули опять в Кедровку, через неделю или 10 дней возвращается почтальон, говорит: «Бориса уже нету, схоронили». Санитарка ему сказала: бросили в яму, зарыли и даже не дали лицо накрыть рушником. Комендант сказал: «Собаке — собачья честь». Там он где-то и зарыт, на могиле никто не был. Мать в Чусовой умерла, дядя Ваня Костин хоронил. Я уже был в армии. Нет. Я был в Миллерово. Это мать в 1938-м, Костин ее схоронил. Дед умер на Украине. Кондрашовка, Россия, а через Донец Украина, по территории. Когда дядя Никифор вернулся из армии, инвалид войны, пенсию получал, а дедушка из Архангельска вернулся, трудовое увечье, он маляром работал, где-то свалился с лесов. Трудовое увечье, пенсию получал, его пенсия и Дяди Никифора — купили землянку. Землянка оказалась на украинской территории. Поэтому меня призвали в Киевский военный округ. Не в Ростовский, Северо-западный, а Киевский округ. Потому что этот колхоз имени Шверника на украинской территории. Поскольку тогда этого разделения не было, не придавали значения.

01:18:23

Когда отец еще заболел и попал в больницу, вы сами не могли к нему ходить навещать? Вам нельзя было этого делать?

Бондюг — это далекоовато. Мы в Кедровке, а он с лесного пожара в больницу попал. Туда нам не добраться. Не добраться. Когда почтальон нас привез туда, мы хотели отца забрать и убежать, нас задержали, вернули. Он умер там, там же он и умер.

01:19:07

Отец в Кедровке не мог работать? Он не хотел? Или он работал в Кедровке?

Работал, бригадир плотницкой бригады. Он дома и бараки строил, пока не случился вот этот лесной пожар.

01:19:21

И тогда его в больницу? Потому что в Кедровке больницы не было?

Там ничего нет. Там бараки и отдельные типа финских домиков. Там никакой медицины нет. И он очутился в Бондюге в больнице.

01:19:38

А мать кем работала в Кедровке?

Мать на разные работы. Лесоповал. Лесоповал и... Как это называется... Мужчины валят лес, а женщины обрывают сучья. А потом эти бревна везут на берег Камы и складывают такие штабеля, чтобы весной, когда ледоход пройдет, лес толкают, сплавляют, и он плывет по Каме до определенного места, где этот останавливают лес и тащат на берег, на бумажный комбинат или на стройки. Короче говоря, зимой лесоповал, весной сплав леса, а когда уже в Краснокамске заработала бумажная фабрика, бумагу делали. Вот такой процесс.

01:20:55

А мать на работу вас брала с собой или отец на работу брал с собой?

Нет, никогда. Мать вернулась, мать тоже была на лесном пожаре, но она вернулась, я помню, еще принесла нам жареных кедровых орехов, потому что кедровые леса горят, их пилят, чтобы дальше лесной пожар не распространился. Она принесла несколько горелых кедровых орехов. Мать пришла, а отец в больницу попал.

01:21:30

В Кедровке было сытно, нормально или был голод?

Голод страшный был, кроме пайка ничего у нас не было, ни картошки, ни зерна. Какие вещи были хорошие, их меняли у местных жителей на овес, на картошку, на жмых, вот это вот, что можно было обменять, чтобы прокормиться.

01:22:01

Отец ходил менять или мать ходила менять? Или бабушка?

Мать ходила, бабушка ходила, тетя Маруся ходила, меняли. Вот хорошие вещи, приходят к местным жителям, чего дашь, то и дашь. Ведро картошки принесет на семью, это один-два дня. Вот такая вот голодовка страшная. Голод, тяжелый труд, отсутствие всякой медицины.

01:22:37

А что-нибудь помните, что поменяли? Вот какая-то вещь дорогая, что долго хранили и потом поменяли?

Вещи домашнего быта: скатерти, рушники, холсты были домашние, костюмы кое-какие. Не помню, не помню, потому что вещи нас мало касались. Помню, как-то брат где-то кусочек сахара добыл в спичечной коробке, на печке со мной поделился, кусочек сахара в спичечной коробке пополам. Псылки приходили, но редко. В посылке что могли быть? Сухари, пшено — и всё. Пшено, сухари, крупа какая. Редко, редко. Одна посылка с яблоками пришла, так мы эти яблоки... были удивлены. Такие ароматные большие яблоки с Дона.

01:24:22

А кто присылал посылки вам?

Ну вот этот дедушка, который в колхоз и вступил, моего деда родного брат родной, он в колхоз вступил и был в колхозе бригадиром садоводческой бригады. Вот он присылал. Тот, который в колхозе, в деревне остался, в хуторе. А больше там никто не мог. Не мог, потому что... Что-то зашумело. Что-то зашумело.

01:23:02

Давайте вы... А вот если... Не лучше?

Прекратило, нормально. Так. Вот этот дедушка, который остался в колхозе, мы, которые возвращались из ссылки, у него останавливались... Что-то тарыхтит это ухо, правое ухо.

01:25:30

Давайте это вынем, если тарыхтит.

Можно выключить, а то шумит.

01:25:36

Давайте это вынем.

Помеха создается. Всё. Куда-нибудь положить.

01:25:41

Сейчас я это выну.

Вот этот дедушка и присылал нам посылки. Пшено, яблоки, горох, фасоль. Продуктовые посылки.

01:26:00

Тот дед, который вступил в колхоз, правильно поступил? Он семью сохранил?

У него было четыре дочери, и его причислили к бедноте, его не тронули. И вот он и туда нам посылки присылал, и мы когда вернулись, у него откармливались, потому что у него был хлеб, корова и огород хороший. Понимаете? А для колхозника корова, картошка, молоко свое — это уже не голод. Это не голод. А когда ничего нет, один паек, тут уже... Коммерческий хлеб появился после 1933 года. В 1933-м был голодомор. Для нас, во всяком случае, и всех, кто был выслан. А только коммерческий получился в 1933-м, три рубля килограмм стоил коммерческий хлеб, то есть сверх пайки. Паек съел, и всё. Если рубли есть, можешь купить. Коммерческий килограмм хлеба три рубля.

01:27:26

А деньги платили родителям за работу?

А денег никому... Что-то платили, конечно, потому что мама работала на бумкомбинате, а дядя Ваня Костин, тетя Махора. А дедушка, самое главное, отчим ее, ремонтировал обувь и за ремонт валенок, подшивал, или там ботинки, получал какие-то копейки. Причем, что интересно, никогда не назначал [цену]. Вот он подошьет валенки, приходит женщина: «Дедушка, что тебе, сколько за работу?» «Что, девка, дашь, что и ладно». Никогда не назначал, там три рубля, пять рублей. «Что, девка, дашь, то и ладно». И вот он зарабатывал, ремонтировал обувь, а мама с бабушкой ткала, шила одеяла ватные. После работы кому-то расстилают полотно, раскладывают вату, накрывают верхний слой одеяла, и вручную. И вот две-три ночи шьют одеяло ватное — три рубля. Вот у меня тут ватное одеяло есть. Откройте вот это белое, отбросьте еще, вот зеленое, это ватное одеяло. Если две ночи бабушка с мамой шьют одеяло, три рубля, килограмм хлеба.

01:29:15

А хоть один рушник сохранили еще с маминых времен?

У тети Махоры был, вот тетя Махора вернулась тоже на родину. У нее был рушник. И когда я уже вернулся, по-моему, офицером, это интересно, расскажу. К тете Махоре, вот когда вернулся к тете Махоре, которая работала там же на бумкомбинате, в ссылке была. Она вышла замуж там, тоже за репрессированного, за высланного, Колесникова. Я ее навестил уже взрослым. Из училища приехал, лейтенант. Все, как говорят, подогнано, сапоги хромовые, китель, погоны. Представился. Кстати, в армию она меня провожала. Ее муж дал мне ботинки. Я в чужих ботинках в армию пошел. В армии вот откормили, научили, выучили. Приехал, представился, говорю: «Смотри, у меня всё на пять». Свидетельство могу показать. Она говорит... Дядя Ефим говорит: «Махора, погладь мне, видишь, Петька какой молодец, погладь белую рубашку, завтра пойдем Зинку сватать». Их дальняя родственница. Вот эту Зинку посватали, и я в течение пяти дней зарегистрировался с ней.

01:31:18

Как жена она вам стала?

Я вам показывал. Это я детдомовец. Вот этот детдом. Я с ней прожил 50 лет. Это я приехал из училища. А это с женой ее сестра.

01:31:47

Не-не-не, мы потом еще...

Вот это, вот это ее сестра. Это жена Зинаида Васильевна, с которой я прожил 50 лет. Это она уже потом учительница. Это сестры Козловы в Архангельске. Мамина сестра в Архангельск попала, и дед в Архангельск.

01:32:22

Петр Борисович, а вы можете еще посидеть, поговорить со мной или надо походить?

Нет, я немножко похожу, потом вам еще что-то расскажу. А потом еще что-то расскажу. А вы вопрос придумали?

01:32:39

Да, я все вопросы придумала. Давайте походим, отдохнем. Может быть, надо проветрить.

Я пойду, водичка там у меня. [Нрзб] много подсумков. Подсумки кожаные для патронов. И вот

эти подсумки собирали. И поскольку я в детдоме и у бабушки немножко присмотрел, как делают, сам сделал себе ботинки. Эти ботинки, конечно, воду пропускали, выглядели они смешно, но другой-то обуви не было. Тогда, чтобы купить ботинки, надо было о сколько денег. А у меня, у колхозника, какие деньги? Я в армию уходил в октябре. За девять месяцев мне в армию прислали 176 рублей. А ботинки стоят, наверное, 200–300 рублей. За 10 месяцев работы в колхозе прислали мне 176 рублей, потому что я расчет не получил, а в колхозе расчет бывает в конце года, а я уходил в октябре. Бригадир вредный-вредный был. Повестку, чтобы мне явиться в военкомат, хотя бы за два-три дня раньше сказал, я бы подготовился. А то: «Петро, вы завтра там, сегодня чтоб там докосили рожь, докосите рожь, и пока не скосите, не возвращайтесь». В дальнее поле. Мы поздно с Сашкой Капустиным докосили. Пришли, пригнали, на быках косили, лобогрейкой. Он достает из карманчика свернутую повестку: «На, Петро, чтобы завтра к 12 был в военкомате». Я говорю: «Паразит, ты почему мне раньше не дал? Я бы хоть что-то приготовился». Кружка, ложка, белье. «Завтра в 12 быть в военкомате». Тетя, с которой я жил, пошла у соседей взяла кусок сала взаймы, немножко муки у нее было. Спекла лепешек, пять лепешек, и этот кусок сала. Я рано утром встал, а там товарняк песок возил мимо села. Поезд идет медленно в гору, на подножку прыг — и до Красноярска, станция Красноярска, доехал. А в Красноярске рабочий поезд — и в Луганск, Ворошиловград. К 12 часам приехал, кружка, ложка здесь, кусок сала и три лепешки. Вот так я отправился в армию в чужих ботинках, не имея ни одного дня и не получив расчета. Поехал в армию, я хотел служить, я ждал этот день как праздник. И вот попал сперва в артиллерийский полк, там полковая школа, сержанта получил, а потом начальник штаба заметил мою прилежность и в училище послал. И училище закончил в 1953 году, приехал служить в Кречевичи.

01:36:59

Пока нет. Петр Борисович, скажите мне точно, в каком году отец умер?

Отец умер в 1933 году, а дату придумали, потому что... Тут где-то свидетельство было о смерти. В 1933-м, в июне. По правилам ставится 15 июня, по-моему, или июня, или июля. Вот так ставится в документах. Потому что календарей не было у нас, радио не было, телефона не было, газет не было.

01:37:49

Мать молилась как-то за покой души или священник был какой-то в этом лагере? Как вы проводили отца, когда узнали, что он умер?

Ну мы, конечно, поплакали, и мама попросила разрешение переехать вот к ее матери и отчиму Костиным, которые в Краснокамске на Бумстрое. Ей разрешили переехать, и во время переезда нас обворовали, и начался вот этот детдом. В церкви, уже здесь, в Новгороде, когда перестройка стала и церкви открылись, я заказал панихиду. Отец Игорь из Покровского собора отслужил панихиду, дал землю, и отвез я ее на западное кладбище, высыпал. И там, условно, могила отца и матери, на западном кладбище. Поскольку и жена там у меня похоронена в 2001 году, уже 20 лет, и знакомые, там у меня две могилы. Вот эти знакомые, Стапцевы, летчик-истребитель, воевал, похоронен. И там похоронена Зинаида Васильевна, и там земля моих родителей. В летнее время езжу, навещаю, устраиваю там. Заказываем панихиду, иногда со священником, а чаще так, сами. Внуки приедут, или сын приедет, с дочерью живу, и бываем мы там регулярно. Бываем регулярно.

01:40:36

А вы же вот когда росли, вы же православная семья, правда?

Православные все и крещенные. Однажды мать повела, уже там, на Урале, где-то, на Кедровке уже были, в какое-то село далеко на пасхальную службу. Мы пришли на эту пасхальную службу. Народу много, я ничего там не вижу, не слышу. И вот когда пропели «Христос воскрес», в окна начали стрелять комсомольцы, которым было дано задание сорвать крестный ход. И они вот это стреляли в окна этой церкви, а я у матери под подолом прятался. Потому что, во-первых, тесно, стреляют, но, конечно, никакого богослужения дальше не было, крестного хода не было. Это мне хорошо запомнилось, потому что уже это было, наверное, без бабушки. Отец еще был жив. Это было, наверное, в 1932 году, потому что в 1933-м его уже не стало. А теперь иногда бываю, редко. Причащаемся. У нас есть сквер памяти здесь жертв политических репрессий. Отец Игорь с Покровского собора каждый раз служит панихиду. Затем митинг с участием и возложением венков, а потом поминальный обед. Потом поминальный обед. Вот это тоже репрессированные товарищи.

01:43:12

В Краснокамск когда вы едете, бабушка еще жива, с вами едет? Или бабушка...

Бабушка там умерла. Ее дядя Ваня хоронил, который с ней жил. Дядя Ваня, который с ней жил. Вот этот. Это ее сын. Где он ее хоронил, я точно не знаю, но, по-моему, поселок Углежжение. После Краснокамска, когда там заработал этот бумкомбинат знаменитый, маму перевезли в поселок, станция Всесвятская, Чусовской район, Всесвятская, поселок Углежжение. Вот на Углежжении она и умерла. Дядя Ваня сперва маму схоронил мою, потом свою маму схоронил, а потом пошел в армию служить, танкистом служил, механик. То ли в Курской дуге участвовал, то ли в другом сражении. Танк горел. Он, обгорелый, выскочил из танка. Где-то в болоте погасил свой костюм, обгорелый. В 1944-м, по-моему, или в 1943-м заезжал к нам уже сюда, в Миллерово. Тяжело больной. И не знаю, до победы дожил или нет. Где-то в Краснокамске. А бабушка, да, видимо, бабушку с Углежжения... Нет, туда они не вернулись. Как же, как же... На Углежжении жила, она жила на Углежжении, он туда поехал, маму схоронил. Видимо, и бабушка там. Все две бабушки, отец и мать, в разных местах. И вот дед на Украине, эти на Урале. Единственное место, где мы вот панихиду служим ежегодно, это сквер памяти жертв репрессий. Здесь вот недалеко.

01:46:26

Петр Борисович, а какую-нибудь там икону сохранила мать семейную? Что-то сохранилось семейное вот с того еще с хутора?

Мать... А, в хуторе вот этому деду, второму деду, вот этому, перед... в момент раскулачивания отвезли две или три иконы, зеркало, и когда мы вернулись из Урала, у него взяли обратно икону Благовещения. Это тете Моте была предназначена. Взяли зеркало, зеркало такое в деревянной оправе, хорошее, вот эти две вещи. А остальные иконы у деда на чердаке лежали, потому что в то время нельзя евангелие хранить дома, иконы, молиться, это уже считалось против советской власти. Поэтому я запомнил, что дедушка вот этот курил и выращивал сам табак. И нас посылал на чердак сушить табак, и я видел, там эти иконы в углу сложены. Огромные иконы, большие, в окладах, красивые, там с цветочками. В общем, взяли обратно зеркало и икону Благовещения. Ну поскольку она тете Моте была предназначена, она где-то там в родных краях путешествует, Благовещения.

01:48:22

А как вы в Краснокамск ехали? Как вы туда добирались, на чем?

Обратно?

01:48:29

Нет, вот еще только мать идет на бумажный комбинат работать.

Так вот, когда она сдала нас в детдом...

01:48:39

Нет, она где вас сдала в детдом? Где? В каком месте это происходит?

В Краснокамске. Это уже когда мы переехали к Костиным, к ее отчиму.

01:48:54

Как вы туда попали? Как вы туда добирались? На чем?

Когда мы... добирались так: мама наняла лошадку, положила свои вещи и наши вещи на лошадку, и он, этот местный мужик, привез нас на пристань. Как она называлась, я не знаю. Но запомнился пароход «Александр Грибоедов». Это я хорошо запомнил, потому что колесник и там большими буквами написано «Александр Грибоедов». И вот этим пароходом мы пришли в Пермь последним рейсом, уже по Каме шел снег и лед. И вот тут к нам подседа чужая тетка и подсказала маме, чтобы сдать вещи в камеру хранения. Потому что Пермь... А Краснокамск, туда рабочим поездом ехать еще километров 15–20, она говорит: «Сдай вещи в багаж и поезжай к отцу, к матери, а потом приедешь, заберешь». Она так и сделала, мать. Сдала вещи в камеру хранения. На рабочем поезде мы приехали в Краснокамск к дедушке, бабушке. На другой день поехала она — ни камеры хранения нет, ни вещей нет. И так мы остались, в чем были, в том и остались. Вот это вот второй... Вот это оборвала нас Пермь. Мама хотела покончить с собой. Трое детей, зима, без работы, голодные все. Вот тут нам дедушка сапожник и бабушка, которая стегала одеяла, помогли. А еще запомнилось мне, недалеко была пекарня. Хлеб пекут, муку из мешков плохо вытрясают. Мама брала мешки, вытрясала и ремонтировала, потому что мыши, крысы проедают, мука там... Некоторые мешки подмокли, и там остается мука немножко. Она повывтрясает эти остатки муки и нам лепешки испечет. Вот такая ситуация. Это до тех пор, пока не появился вот коммерческий хлеб. Коммерческий хлеб

появился. Дядя Ваня зарплату маленькую, тетя Махора зарплату маленькую, мама работала уборщицей в конторе, тоже какую-то зарплату — соберут и купят нам хлеба. Дедушка всё говорил: «Живем, слава богу, хлебушка вволю едим». Это вот 1934 год, 1934 год, когда в Краснокамске появились магазины. Бумкомбинат снабжался, что-то там кормежка какая-то была, столовая. Вот так, «хлебушка, слава богу, вволю». Это вот благодаря этим.

01:52:50

У меня вопрос. Это ведь не тот дедушка, которого выслали в Архангельск? Это другой дедушка?

Нет, другой. Он тоже выслан был. Костин Семен Андрианович. Он тоже где-то отбывал, где-то... Не где-то, а в Краснокамске.

01:53:11

Это родители мамы?

Родители мамы, Костины. Отца родители Иванцовы. Так Иванцов, дед, попал в Архангельск, а тот в Свердловске, в Краснокамске.

01:53:30

Он раскулачен был или по другой какой статье?

Раскулачен был. Раскулачен был, тоже на восемь лет. Только он отбывал в других условиях, в Краснокамске, на Бумстрое. А мы вначале на Кедровке, а потом на Бумстрой.

01:53:50

Их одновременно выслали или раньше? Или позже?

Наверное, позже. Наверное, позже. Потому что они жили в другом хуторе, в другом селе. Югановка, у них хутор Югановка, а мы жили — вот это хутор Иванцово. Под Миллерово. Слобода Мальчевская. Карту показать вам?

01:54:20

Потом, мы когда будем фотографии снимать, я попрошу. А скажите мне, кто маму надумил вас отдать в детдом? Или так случайно?

Нет, не случайно. Когда нас обворовали и остались мы, как говорят, в чем стояли, в том и остались, она пошла просить помощи у коменданта материальной, ну, продовольствием. Ей дали пять или шесть килограммов муки первый раз. Пять килограммов муки на семью — это на два дня, и всё. Через несколько дней она снова пошла просить. Они говорят: «Без конца помогать не можем, а детей в детдом можем временно хотя бы». И вот мы очутились в этом детдоме.

01:55:23

Еще хотела спросить, а старший брат когда убежал, он уже так сам и жил?

С Кедровки. Он убежал с Кедровки вместе с Никифором. Вот с этим. Вот этот брат, дядя, они одного года. Вот они под видом рабочих с лопатами ушли с Кедровки в Миллерово, на родину.

01:55:50

И матери не помогал он уже никак ничем?

Он не мог помогать, потому что он убежал. Убежал, наверное еще отец был жив, в 1932 году. Еще отец... Кстати, в этих же местах в ссылке был Твардовский. Александра Твардовского старший брат, «Васю Теркина» написал. Старший брат Иван убежал, и в газете «Юность», третий номер, вот забыл, за какой год, он статью написал, как он уходил, по каким селам. И все эти села названы там. Я дал Марии Ларионовне этот журнал. Мария Ларионовна увлеклась писательством. И она, это вам, Колмакова Мария Ларионовна. У нее несколько сборников вышло и вот это стихотворение. А это наш другой, из Валдая, товарищ. Это уже работа нашего. Ну Ольшанский каждый год проводит митинг, они приезжают и привозят свой материал для Книги памяти жертв репрессий. Книга памяти — уже 16-й том издается. Работает здорово. Работает здорово, 16 томов. Ну ладно.

01:57:45

Петр Борисович, еще можете со мной поговорить?

Еще можно, еще можно. Пока.

01:57:54

Хорошо. Когда отдают в детдом? Мать собирает вас как-то специально? Как это вообще произошло? Как она вас отправляет?

В детдом отдала нас в Нижняя Курья, недалеко от Краснокамска. Дядя Ваня нас туда отвез. Вот этот. Ее младший брат. А вот из этого... Из первого детдома в Нижний Тагил когда переезжали, тут я что-то не помню, как нас туда доставили. Но когда привезли, я помню, что в Краснокамске уже работал бумкомбинат, и они все трое на этом бумкомбинате. А когда с поселка Углежжение она меня провожала с Костиным домом, продуктов не помню чтобы там было. Благословила иконкой маленькой. Эту иконку я берегу, берегу. Образ Спасителя.

01:59:50

Но это же не та иконка, это уже современное, это уже новое.

Это новое, куплено в Храме Христа Спасителя в Москве. А ту, которой она меня благословила, в училище на третьем курсе из соседней роты курсант... Там училась группа албанцев. Албанская группа жила на третьем... Ну, отдельно. И он, этот курсант, фармацевт, украл часы у албанца. И нам устроили большую проверку — искать часы. А у меня эта иконка была всё время с собой. Перед построением я взял в караульном помещении на территории казармы. Караульное помещение одноэтажное такое, и там щель была такая в стене. Я туда опустил, завернул в носовой платок и опустил в эту щель. Думаю: потом кончится этот обыск, я пойду и заберу. Так я закончил училище, осталась там иконка. Сын вырос. Сын у меня был направлен туда работать, в Киев, вместе с Черномырдиным. Ну там помощником каким-то по связи. Пошли мы, искали-искали. Этого караульного помещения уже нет, ничего нет. Училища нашего нет. Образовалось там училище связи. И это училище... Наша территория попала под застройку большого телецентра. Недалеко Бабий Яр. Улица Мельникова, 60, по-моему. Улица Мельникова, 60. Это в Киеве. И второе, что в Киеве осталась моя память: будучи курсантами, нас привлекали на снегоборьбу, когда метели заносили и поезда не ходили, раскапывали железную дорогу под Киевом, пост Волынский, а летом строили плавательный бассейн на стадионе Киевского военного округа. В этом бассейне после купался мой сын. И служил, наверное, года два или три там. Он... Сейчас, сейчас я покажу. Это его снимок. Это его книга. «Восьмая эскадра». «Восьмая эскадра». Это уже когда они вышли, вышел он на пенсию. Так, так, так, так. Ну, про флот особый разговор, если вам интересно.

02:04:12

Если успеем, так доберемся и до флота.

Подождите. Еще интересная одна деталь. Интересная деталь. Он последнее время, да и сейчас живет в Москве, работает по строительству морских судов и лодок. Подводную лодку «Великий Новгород» — мне организовал приглашенный билет. Приглашенный билет. Я был на спуске этой лодки. Этот вот... Адмиралтейство. Адмиралтейство. Сейчас. Адмиралтейство. Василий Борисович крупным планом. Это брат, который ушел оттуда, с Урала, с дядей Никифором. Где у меня этот? Плохо, в разных местах, надо всё собрать в одно место. Так, так, так, так. Это наш мэр. Наш мэр награждал, награждал и поздравлял. Это наш мэр. Это спуск лодки. Подводная лодка «Великий Новгород». Это во время спуска. А это вот я с сыном. Там же, в Ленинграде, Адмиралтейство. А это День Победы, наши школьники исполняют репертуар. Это школа [нрзб]. Как она называется? Хор мальчиков.

02:08:13

Петр Борисович, поговорите еще со мной чуть-чуть.

Еще чуть-чуть давайте. Давайте, давайте.

02:08:20

Присядете? Вы с сестрой в одном детдоме были? Или в разных?

Сперва в одном, в нижнетагильском. В нижекуринском. А потом... Закрыли этот маленький детдом. Ее в Юг, а меня в Тагил. По половому принципу, наверное. Девочки отдельно, мальчики отдельно. Было одно время, даже школы были разные — для мальчиков, для девочек. И вот таким образом очутились мы врозь. И она в одном детдоме до 16 лет, а я вот вернулся с дедушкой Семеном Андриановичем к брату. И получилось, что вначале были вместе. Меня если обижали, я бежал к ней под защиту. А когда туда в Тагил привезли, там еще хуже стало. По сути дела, считался детский дом как исправительный для малолетних преступников, но там

было три корпуса. Маленькие дети в одном здании, я во втором здании, а третье здание — это по возрасту старше, отдельно. Так что обижать там никто меня не обижал, но там были разделены по возрасту. А старшие уже... Да и нас водили, занимались в слесарных мастерских. Была мастерская, где учили уже работать на станках. Старшие на токарных, на сверлильных станках, а мы на тесах, этими, напильниками. Детдом чем мне запомнился, что на праздничные дни выводили нас строем на эти парады, 1 мая или 7 ноября, и, проходя мимо трибун, мы должны были кричать: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Осиротели, по детским домам чесоточным спасаемся — «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое...» Не будешь кричать, халвы не дадут. На обед нам в праздник давали халвы, по кусочку халвы. Вот такой Тагил, Нижний Тагил.

02:12:05

А вот в первом детдоме вы долго жили? Сколько?

Нет, недолго, наверное год или полтора.

02:12:15

Вы там в школу пошли?

Там... Что-то мне не запомнилось, но начинал уже в школу ходить, потому что сестра ходила в школу, я ходил в школу. Ну, наверное, первый класс. В Нижнем Тагиле уже третий класс. Потому что я в Миллерово с братом уже пошел в четвертый класс, уже без родителей. Значит, первый, второй, третий класс. Не, первый, второй. На Углежжение, Всесвятское, я уже ходил в школу в третий класс. Когда меня из Нижнего Тагила привезли к матери, а мать в этот поселок Углежжение переслала, я ходил в третий класс, а они с тетей Марусей вагоны грузили, бревна. На железнодорожные платформы открытые бревна катали с помощью веревок и ломиков, грузили бревна, а мы мимо ходили, в школу мимо них.

02:13:52

А сейчас я расскажу, как я вас поняла, а вы меня поправьте, если я ошибаюсь, если я неправильно вас поняла. Когда мать вас сдала двух, вы и сестра Надя... Надя?

Да.

02:14:08

Вы оказались в одном детдоме и были вместе.

Да.

02:04:12

А там какие палаты были? Вы с мальчиками и с девочками жили вместе?

Нет. Девочки отдельно, мальчики отдельно. Они в этом крыле, а мы в другом крыле. Раздельно. И вот когда меня обижали, если я наябедничаю, я бежал к ней в палату и она меня обороняла.

02:14:41

А кто вас обижал?

Ну там... Мы их называли шпана. Шпана — те, которые с вокзала или с базара, поймают беспризорника, тоже в этот детдом. И нас, репрессированных детей, тоже в один дом. Так вот эта шпана нас обижала.

02:15:04

А у вас друзья там были близкие или только сестра самая?

Только сестра. Только сестра. Был один дружок, с которым я хотел убежать. Ну нас там быстро милиционер обнаружил, и возвратили. Хотели пойти на поезд, на товарняк запрыгнуть. Поезд быстро шел, и побоялись. Побоялся. Ну нас, поняли, что убегальщики, меня отправили к матери. Короче говоря, им надоело нас охранять, и он меня привез. А Надя так и осталась в детдоме. Это было... 1938-й. Мама... Вернее, Надя приезжала к маме, а я уже не мог. Я уже был в Миллерово, у брата.

02:16:20

Так, значит, вы пытались убежать из детского дома несколько раз, да? Или один раз? Или несколько?

Два раза, две попытки были. Первый раз нас с вокзала взяли, а второй раз мы сами вернулись, потому что у него поезд шел быстро и на ходу запрыгнуть довольно сложно. Там какая-то речушка, и по мосту идет поезд медленно. И мы решили к этому мосту прийти, где поезд идет медленно, чтобы сесть на ходу на подножку и уехать, но ничего не вышло. Ничего не вышло. Недельку, наверное, меня продержали в изоляторе, намазали чесоточной мазью, как будто у меня чесотка, и под ключ. А потом в скором времени отвезли к матери.

02:17:38

А кто вас вез?

Преподаватель физкультуры и труда. Он физкультуру преподавал, но он даже не преподавал, а зарядку с нами проводил. И всё время по территории ходил с малокалиберной винтовкой. Воробьев стрелял. Постреляет. Подстрелит: «А куда я попал?» И показывает нам убитого воробья. «Вот сюда попал». А мы тогда рогатки делаем и тоже ходим воробьев стреляем. Играми было в основном лапта. Футбол даже я не помню. В лапту играли. Недалеко тут спортплощадка и мастерские. Мастерские. Под надзором, инструменты, работа какая-то. И недалеко вот это кладбище было, куда мы ходили, подбирали конфеты, пряники. Нас за это ругали. Рогатки отбирали, а мы снова делали. В общем...

02:19:07

Он привез вас к матери. Мать обрадовалась? Изменилась она? Какая она была?

Мать обрадовалась, конечно. Больше всех я обрадовался. Но уже обстановка была другая, потому что трое работало. И мама, дедушка в школе работал, вот этот, который сапожник. В школе топил печи. Топил печи. Дядя Ваня и тетя Махора — на бумкомбинате. Четверо работали, а я уже пошел в школу. Так, наверное, первый, да, первый класс, примерно.

02:19:52

И как тогда получилось, что вас сдали во второй детдом? Почему вас во второй детдом сдали?

Там первый детдом деревянный был. На первом этаже стояла чугунная печка. Эту печку топили. И, видимо, или кто-то неаккуратно дрова разложил, или умышленно. Случился пожар. В первом детдоме случился пожар. И воспитатели или медсестра заметила и вызвала скорую помощь. И пожарные приехали, погасили. А нас в скором времени расформировали.

02:20:46

То есть учитель труда и физкультуры вас вез из второго?

Нет, нет, нет. Из второго к матери. А вот из первого во второй как мы попали, я даже не знаю.

02:21:01

Ну, попали, как-то попали. И вот вы живете с матерью. Мать работает, четверо работают. Сытно живете уже?

Уже лучше. Так, сейчас скажу. Краснокамск последнее время... Ну, во всяком случае уже лучше. Пока не переслали из Краснокамска в поселок Углежжение. Вот в Углежжении уже хуже стало, потому что...

02:21:37

А почему вас туда отправили?

Уже бумкомбинат стал работать. Рабочая сила — в другой поселок. И подневольные: здесь закончилась работа — в другой. И вот они в последний поселок, Углежжение, опять лесоповал, опять эти бревна. И бревна метра по два, по три. Ставят на попа, устраивают такой типа юрты, поджигают, засыпают сперва землей, потом жгут, и получается древесный уголь. А древесный уголь — это очень ценное сырье для металлургической промышленности. Там же Урал, нужно в Нижнем Тагиле топить все эти доменные печи и какие там, нужно много угля. Так вот этот древесный уголь им нужен был опять.

- 02:22:56 **А мама не была вольнонаемной? Мама была ссыльной?**
Она ссыльная и принудительно ходила на работу каждый день на это Углежжение.
- 02:23:10 **Отмечаться ходила или не нужно было?**
Там как-то их утром проверяли. Вот утром они идут на работу и дают задание. Вечером кончается работа, проверяют, и всё. Отмечаться не надо было. Наверное, был какой-то контроль, потому что я не помню так, чтобы ходили. Ходили по домам, там отмечались. Но работать нужно было обязательно каждый день. Это после Краснокамска.
- 02:23:54 **Когда, в каком году мама умерла?**
В августе 1938-го.
- 02:24:00 **От чего? Что случилось?**
В свидетельстве о смерти написано «малярия». Малярия — это... Мне кажется, даже этот диагноз неправильный, потому что малярией мы все болели, и мы школьники болели, но от малярии никто не умирал. Она умерла, мне кажется, от непосильного труда и голода. Написано «малярия».
- 02:24:41 **И вы остались с кем?**
Ну вот, когда мать умирала, я уже с братом, с Василием остался.
- 02:24:51 **Который убежал тогда? Он вернулся в поселок Углежжение?**
Да. Вот он с дядей Никифором убежали, и они уже были в Миллерово. А меня привез Костин Семен Андрианович. Вот это дедушка, который ремонтировал обувь.
- 02:25:16 **Тогда для меня, чтобы я поняла, Углежжение и Миллерово — это разные поселки? Или они рядом?**
Углежжение — на Урале, ссылка, а Миллерово — родной край, где наш хутор был.
- 02:25:33 **Значит, вы... Вот мама умерла в поселке Углежжение, и вы там остались с дедушкой, бабушкой. А Василий приехал в Углежжение?**
Василий уехал раньше, в 1932-м. Отец его провожал с Никифором. Он уехал у Миллерово в 1932-м и здесь со вторым дедушкой-колхозником остановился. Когда закончился в Краснокамске, бумкомбинат построили, лишнюю рабочую силу на Углежжение [отправили]. И тут еще хуже стало. В Краснокамске, когда уже все на комбинате работали, там и столовая была, и какие-то обеды, там что-то было. А на Углежжении ничего этого не было. Лесоповал, бревна, сжигали вот это бревно, чтобы получить древесный уголь.
- 02:26:36 **Это тоже поняла. Я не понимаю, как вы из этого поселка Углежжение опять оказались с братом вместе?**
У брата я оказался, у Василия. Потому что Семен Андрианович Костин ехал... Восемь лет отдежурил, получил паспорт, а когда паспорт есть, можешь купить билеты и ехать. И вот он уезжал из Углежжения, и мама меня с ним отправила.
- 02:27:10 **То есть мама умерла без вас?**

Без меня. И Надя была в детдоме в одном, а я был в Миллерово у брата и ждал ее: к 1 сентября приедет, а она 23 августа умерла.

02:27:29

То есть вы не попрощались с ней совсем?

Нет. Вот как она меня проводила и благословила, это было последнее материнское благословение и проводы.

02:27:43

А сестру из детдома отпустили? Отпустили ее проститься с матерью.

Она приезжала, но мама еще была жива. А потом она опять вернулась в детдом. И в это время она в детдоме, а я в Миллерово с братом. Мать умерла одна, Костин ее хоронил.

02:28:09

Так. И вот скажите, когда вы вернулись, это же ваш уже, почти что домой вернулись, к вам относились как к своему или вы были сын врага народа? Как это было?

Вот когда мы жили с братом в сарае, к нам никто не приходил и не помогал. Мы иногда ходили к этому деду и там питались, у деда, у колхозника. Пока нам не нашли вот этих семью бездетную Кравцовых, которые нас приняли. До Нового года мы жили в сарае, а вот этот дедушка-колхозник нас подкармливал.

02:28:59

А вот вы в сарае живете и в школу не ходите совсем?

В четвертый класс пошел, 1 сентября в четвертый класс. Уже без матери.

02:29:10

Так, и вот 1938 год, а потом так вы живете...

Взяли нас эти Кравцовы, Тихон Илларионович и его жена, бабушка. Я закончил четвертый класс в 1939-м, 1938-1939-й — это четвертый класс. Кончил. Брата в армию призывают, а я опять ни с кем. И вот тетя Мотя, Матрёна Митрофановна, дочь дедушки этого, меня взяла к себе, и до армии, до призыва в армию я с ней жил.

02:30:02

Как вы узнали о войне? Как для вас началась война? Как хутор узнал о войне?

Война началась в 1941-м. Так, в 1941-м... Я ходил в шестой класс, шестой класс. В школе нам объявили, что началась война. И учительницы приходили, и весь урок плакала учительница, запомнилась мне, по ботанике. Она плачет, и мы плачем. А потом думаю: ну чего она плачет всё время каждый день? Война кончится, придем. Война долго не кончалась, и нам всем досталось. В хуторе, в этом под Миллерово была немецкая колония. И там немцы остановились, долго держались, стояли, оккупация. Наши самолеты усиленно бомбят эту немецкую колонию, а бомбы-то летят не точно. И по нашему хутору, и по немцам, и по своим. Вот так шесть месяцев, пока не освободили нас в результате Сталинградской битвы. Сталинградская битва закончилась 2 февраля, к нам пришли наши. Они пришли раньше, потому что... Эта часть, которая освобождала нас, она пришла в наш хутор раньше, еще райцентр был занят. И опять мы неделю помогали им окопы рыть. Потом немцев выгнали, они пошли на Ворошиловград, а мы в город Миллерово, растаскивали завалы и таскали горелые автомобили., потому что там хорошо «Катюши» поработали и немцев сожгли. Целая колонна горелых машин вдоль железной дороги стояла за городом, и мы кабелями таскали эти машины. Колхозники приказали, целый месяц мы работали. Таскали завалы и таскали эти машины немецкие горелые, пока не началась посевная. Весна началась, и нас в колхоз отозвали из Миллерово, из райцентра. Начали посевную. В канавах вдоль дорог лежали трупы немецкие, под солнцем стали разлагаться. Вонь. Быки не идут в поле на работу. Запах этот противный. Мне бригадир дал задание зарыть эти трупы. Я сам зарывал два трупа горелых немецких. От бригады немножко вверх так в поле. Тригонометрический пункт. Я даже помню этот пункт. Две дороги пересекаются. Тут двух немцев сложил. И начали посевную. Быки дохлые, лошадей нет. Кое-как посеяли. Это 1943-й, весна 1943-го. В 1944-м начали появляться трактора. Появились МТС. Девочек и мальчиков на курсы трактористов. Я закончил курсы счетоводов, учетчиком пошел в 10 тракторный отряд. Работал 1945 год. Вот тут у меня, тут есть. Где-то, где-то есть. Приехал председатель и сказал: «Глушите трактора, будем митинг проводить». Вот это набросок: 9 Мая

в Борозде.

02:35:18

Петр Борисович, а как, когда вошли немцы, как они вошли? Помните? Как они в поселок в Миллерово попали?

Вошли летом, в июле. Началось мародерство, грабеж. «Курки, яйца, молоко давай». Идет с сумкой. На сумке красный крест. «Госпиталь, яйца, молоко, молоко». Курочек стреляет, забирает. У нас забрали сперва мед, потом снова пришли. Дедушка спрятал мед. Они ульи, четыре улья было, снова завезены пчелы, пчел этих разорили. Разорили пчел. Мед немножко у нас был спрятанный. И вот эта кукуруза не убранная. И картошка. И немножко молока. Вот это вот. Шесть месяцев продежурили. Когда румыны отступали, один румын, они отступали как цыгане побитые. Осенью шлепали по грязи. Один румын забежал, на плите нашел кастрюлю. Там каша кукурузная была сварена, мамалыга. Вынул из противогазной сумки полотенце, бритвенный прибор в карман, на полотенце кашу вывалил эту кукурузную, сюда сунул и пошел догонять.

02:37:29

А были румыны или немцы, или и те, и другие?

Румыны... Немцы стояли постоянно в хуторе. Вернее, в деревне Викторовке. А румыны прошли мимо без боя. Без боя. И немцы ушли без боя ночью, а потом вот наши пришли зимой, в феврале.

02:37:57

А когда немцы входили, они кого-то казнили? Кого-то забирали из мужчин? Или никого, то есть вот прошли просто?..

Они брали продукты. Продукты. Всё, что хотели, брали. И ушли они как-то ночью, незаметно, немцы ушли из этой деревни, где они стояли, где нас бомбили. Ночью смылись. Миллерово еще 10 дней оборонялся, райцентр. В нашу деревню вошли без боя, потому что была сильная метель, этот отряд наших бойцов шел по колено по снегу. И когда вошли в наш дом и им разрешили отдохнуть, они как сидели, 20 человек наверное, в одной комнате, так сразу заснули. Заснули, на следующий день кухня приехала, их старшина не мог разбудить. «Кухня приехала, вставайте». Никто не встает, спят. Мне нужно туда-сюда пройти, хожу по ним, наступаю, ни один не просыпается. Измучились, потому что по снегу шли почти полтора или около двух суток, два дня. И вот им разрешили отдыхать, они у нас остановились. А на другой день уже мы пошли им помогать окопы рыть. Это начало февраля.

02:40:00

А вы сами пошли или погнали вас тоже?

Никто нас на окопы не гнал, мы сами пошли, потому что они попросили меня для лошадей сено показать, где взять сено лошадям. Четыре повозки по паре лошадей — это восемь лошадей. А я знал, где сено хорошее. И поехал прямо... Вот когда их подняли, с ездовым поехали, сперва сено привезли, потом на другой день окопы копать пошли. Копать было очень трудно, земля мерзлая, лопата не ковыряет, топором, ломом, много, лом и топор, много не накопаешь. Ну, по колено там вырыли. Походили два-три дня. Миллерово освободили — и нас туда послали на месяц. Примерно весь февраль мы там работали.

02:41:16

А у вас неприятности были, что вы вот врагу помогли, окопы им копали?

Нет, нет. На окопы нас никто не посылал, и солдатам мы сами добровольно пошли помогать.

02:41:33

Зачем вы немцам-то пошли помогать? Вы окопы для кого копали?

Для наших. Наш отряд пришел в село, еще райцентр, в райцентре еще немцы были. Понимаете? Нашим нужно было закрепиться. Наш этот отряд, который нас освободил, он уже окружал Миллерово. И чтобы ему держаться...

02:42:05

Да, поняла. То есть вы для наших окопы копали.

Для наших окопы копали. А когда немцев выгнали, нас послали уже, правление колхоза, очищать город от завалов и таскать вот эти машины. Машины таскали, грузили на платформы, отправляли как металлолом. А трупы вот эти вот, которые весной снег растаял и разлагаться стали, это уже был апрель месяц. Вот этот... Где-то тут снимки. Это... Книгу мне подарили где-то. Ну, это... Историк, англичанин, написал. Хорошо написано.

02:43:47

А вы когда этих двух немцев закопали, вы как-то пометили, где закопали? Как-то там... всё-таки христиане же.

Там перекресток двух дорог. И недалеко тригопункт. Ну, такой курганчик небольшой, геометрическая точка называется, топографы называют. И вот на этом перекрестке с правой стороны лежали они. Их кто-то пытался сжечь или... Ну, там же дров нет, там солома. Солома сгорела, а они обгорелые лежали разложившиеся. И вот это у меня был весенний первый наряд — зарыть этих немцев. Гадко, тошно, но зарыл. Зимой они лежали мороженые. Когда мы таскали эти горелые автомобили, лежал один там замороженный немец, но его быстро убрали, он не успел разложиться. А вот те, которые в кювете у дороги, в поле, те в апреле... В апреле я зарывал. В общем, наша Ростовская область... Когда наши отступали, бомбили и стреляли, жгли, и когда освобождали, тоже бомбили и жгли. На моих... Я почему видел... Надо было каждый день нарубить камыш, сварить эту кашу. Лопатой хожу вдоль реки сбиваю камыш. Девятка... Наши самолеты летят. Бомбардировщики. Из Миллерово немецкие пушки, два самолета сразу сбили. На моих глазах упали. Ну, зима... Из девяти самолетов два сразу упали в районе Миллерово. Не помню, какого числа, но во время оккупации...

02:46:42

Я хотела еще такую вещь спросить. Вот тот дед, который был выслан в Архангельск, он к вам в Миллерово потом приехал или не стал возвращаться?

В Миллерово он приехал к этому брату. К этому времени дядя Никифор вернулся с фронта, 1944-й, по-моему, год. Я с тетей Мотей, с этим дедушкой, с дядей Никифором вот купили землянку. Эта землянка, колхоз Шверника, оказалась украинской территорией, и поэтому меня взяли, призвали в 1948 году в Киевский округ. Тетя Мотя, дядя Никифор — это дети Митрофана Ивановича, и я с ними. И вот мы в этой землянке жили до призыва в армию. И вот в армию пошел из колхоза Шверника, проработал восемь месяцев, в октябре, и заработал 176 рублей в колхозе. И еще был... Запомнилось. Каждый Новый год подписка на заем, это уже после 1945-го, восстановления и развития народного хозяйства. Вот ты работаешь, не меньше 500 рублей облигаций, подписываешься. Заем — восстановление и развития народного хозяйства. А может, я не заработаю? Всё равно 500. Хорошо, расписался. Год кончился, отработал, допустим, 1946-й, 1947-й. Вызывают в конторе, итоги подбили. Вот тебе положено 500 рублей, к примеру, ты заработал. Вот тебе облигации на 500 рублей, распишись. Тут распишись, что заем... Зарплату получил, заем оплатил. Получаешь облигации, шагом марш домой. Эти облигации Хрущев потом заморозил на 20 лет. И получилось, что многие их повывбросили, многие потеряли или умерли. На эти облигации мы ничего, ничего абсолютно не получили. То есть работали на облигации, которые никто потом... Денежная реформа и время — заморозили, разбросали. Вот так, восстановление и развитие народного хозяйства.

02:49:58

Петр Борисович, а когда вы вернулись из армии, вам же документы выдали, вы уже с паспортом?

Да, да. Нет, без паспорта. Нам дали удостоверение маленькое, что уволен по сокращению штата вооруженных сил. И вот с этим удостоверением нам выдали паспорта и дали квартиры, работу и прочее, и прочее. Это 1960 год, это 1960 год. Хрущев, Хрущев Никита, который на XX съезде на Сталина ведро грязи вылил, на Сталина, стали памятники убирать, стали всякую чушь писать. А я так думаю: хоть он и жестокий был, Сталин, репрессиями нас наказал, а Петр I как строил Петербург? Сколько там полегло крепостных? Так вот эти колхозники, это те же крепостные были при Сталине и репрессии... Кто построил первые пятилетки, планы первой пятилетки? Сталин. А теперь вот Хрущев сказал, что он такой-сякой... Восточная поговорка мне нравится: мертвого льва и осел может лягнуть. Так это вот Хрущев сделал по отношению к Сталину. Сам был большевик, сам помогал и на фронтах участвовал, Хрущев. И такую устроил бяку.

02:52:07

А когда Сталин умер, вы где были?

Это март месяц, 1953-й. Третий курс в Киевском военно-медицинском училище. И тоже

горевал, что Сталин умер.

02:52:20

А как вам сообщили?

Сообщили, ну тут уже 1953-й — и радио, и газеты, и всё, календари. Мы... Еще не закончилось... Так. В Корею шла война. В Южной Корею. И нас часть курсантов, третий курс, досрочно выдали удостоверение, как фельдшеров в Корею на войну. Я еще не был тогда членом партии, меня не послали, а многих ребят отправили. А мы дали обещание служить, куда родина пошлет, хоть на Крайний Север. Это в марте месяце. А в сентябре закончили, выдали удостоверение, форму, погоны — и по местам. Мне достался... Выбрал я Ленинградский округ, потому что хотел в медицинскую академию поступить. Вот так сложилась у меня армия. Армия меня сделала офицером. В партию приняли. Был 30 лет членом КПСС и доработал на хорошей должности, на врачебной должности. Хороший оклад был последнее время. Неплохая пенсия.

02:54:21

А деды ваши застали время, когда вы в партию вступили?

Нет, уже их никого не было. Их не было. Колхозный... Брат старший тоже был членом КПСС, вступил. Сестра — не знаю. Здесь врагов народа нет. Фронтвики. Младшая сестра, я, старшая сестра, я. Ну вот такая примерно судьба. Я благодарен, что дожил до этого возраста и нас реабилитировали. Хотя, как говорят, пострадал дважды ни за что. Вот первый раз, когда раскулачивали. Второй раз, когда сокращали армию. Армию сократили, у меня двое детей, дочери четыре года, сыну два месяца — и вот оклад сразу маленький. Заведовал здравпунктом. Трест «Новгородстрой», завздравпунктом на улице Советской. Строился химкомбинат. Все, кто с нами демобилизовался, все на хорошую работу, все получили жилье. Но сейчас уже мало кто... Один командир полка [нрзб] был, в ЖКХ работал, ордера нам на жилье выписывал. Много осталось здесь, много наших осталось. Завод «Волна» тогда большой, «Ленинский комсомол», завод полупроводниковый гремел, пять тысяч работающих. И «Окрон» строился. А химкомбинат построился при нас.

02:57:09

А вы когда занимались реабилитацией, вы всех сумели реабилитировать? И отца, и мать? Или как?

Да, на всех. На мать нет. На деда есть справка, на отца и на меня эти справки есть. Все реабилитированы.

02:57:31

А вы ходили знакомиться с делами деда или не стали? Только справки получили?

Я писал про отца, что отец... У меня не было документов, документов, что мои родители пострадали. И мне пришлось в суд идти и доказывать, что они умерли там. Мне выдали копии свидетельств о смерти по решению суда... Еще за одну справку хотели взять госпошину 47 рублей. Я говорю: «Как вам не стыдно... Родителей замучили. А за копию справки 47 рублей госпошина». Они перестали, отстали от меня, выдали свидетельства. Всё.